

ВИТУХНОВСКАЯ-КАУППАЛА Марина / VITUHNOVSKAJA-KAUPPALA Marina
Университет Хельсинки / University of Helsinki
Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki
kauppala@saunalahti.fi

**КАРЕЛЫ В 1917 ГОДУ: ВЫБОР НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ.
ОТ КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ФИНЛЯНДИИ**

**KARELIANS IN 1917: THE CHOICE OF NATIONAL STRATEGY.
FROM CULTURAL AUTONOMY TO JOINING TO FINLAND**

Abstract: During the ten months of 1917, from March to December, several nationalistic projects replaced each other in Russian Karelia, and the degree of their radicalism increased with time. After the February Revolution, the wishes of the Karelian population were limited to long-established national and cultural needs: school education and service in local languages. However, the weaker the central power became, the greater was the desire to separate from it. National regions began to put forward projects of national-territorial self-governing autonomies. In the summer of 1917 a project of the Karelian administrative region appeared. The most radical project of national self-determination of the Karelian region including secession from Russia received the strong support of the population only after the Bolshevik coup.

Ключевые слова / Keywords: Российская Карелия, Февральская революция, национальный вопрос, национальная автономия, Финляндия, Карельское просветительское общество, большевистский переворот / Russian Karelia, February Revolution, nationality issue, national autonomy, Finland, the Karelian cultural society, Bolshevik coup.

Февральская революция 1917 г. стала катализатором многих политических процессов, развивавшихся в России в предшествовавший период. Наряду с преобразованием политического устройства страны не менее бурно и стремительно шло развитие национальных движений и обособление национальных регионов. Толчком к эмансипации национальных окраин послужили принятые Временным правительством политические реформы: отмена дискриминационных ограничений для меньшинств и уравнивание всех граждан страны в их правах. Изменение политического климата в стране, обретение гражданских свобод наряду с ослаблением легитимности власти привело высвобождению центробежных сил. Меньшинства начали проявлять тягу к эмансипации. Не случайно национальный вопрос обсуждался как на «низовом», региональном, уровне, так и в Петрограде. Каждая из значимых партий сформулировала свои подходы к национальному вопросу и грядущему региональному и национальному устройству России. Причём весной и летом 1917 г. ведущие партии высказались по преимуществу за предоставление меньшинствам культурно-национальных автономий, хотя региональное устройство России виделось различным политическим силам по-разному.

Так, меньшевики до октября 1917 г. выступали за централизованную Российскую республику и культурно-национальные автономии¹. Видный кадетский специалист по праву, профессор Московского университета Ф. Ф. Кокошкин на VIII съезде партии в мае 1917 г. доказывал, что немедленный переход к федеративному устройству в настоящий нестабильный период невозможен, но считал необходимым предоставить народностям широкую культурно-национальную автономию². III съезд эсеров в мае — июне 1917 г. высказался за введение в России «формы федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей»³. Позиция большевиков по национальному вопросу не была единой: на проходившей в апреле VII Всероссийской конференции РСДРП(б) мнения разделились. Ленин выступил за предоставление национальным регионам государственности в форме республик, Сталин в принципе выступал за осуществление — в особых случаях — права наций на самоопределение, однако только при наличии политической целесообразности. Георгий Пятаков вообще выступал против права на национальное самоопределение. Большинство голосов была принята резолюция Сталина, предполагавшая весьма вольное решение национального вопроса⁴.

Повсеместно активизировалась деятельность националистических организаций. Как отмечает Т. Ю. Красовицкая, «общероссийским партиям пришлось столкнуться с лавинообразно возникающей массой “этнических” партий». Общее количество национальных партий в три раза превосходило количество общероссийских. Основная часть национальных партий выдвигала требования разных форм децентрализации управления и автономий⁵. Причём национальные движения каждого региона, как правило, не были однородными. Так, одна группа чеченских активистов стояла за светское национальное самоуправление, а другая агитировала за шариат для Чечни. Подобные же процессы происходили в Дагестане⁶. Грузинские меньшевики и большевики выступали за сохранение России как унитарного государства, отрицая идею автономизации, а грузинские национал-демократы требовали воссоздания грузинской государственности.

¹ Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г.: Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 18.

² Там же. С. 19—21.

³ Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г. : (Стенографический отчёт). Пг., 1917. С. 481. Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте... С. 25.

⁴ Там же. С. 30—33.

⁵ Там же. С. 34—35.

⁶ Там же. С. 38—40.

В июне 1917 г. украинская Центральная Рада провозгласила автономию Украины. Такое же требование выдвинули молдавская национальная партия и мусаватистское движение Азербайджана, а в июле 1917 г. в Казахстане была создана партия Алаш, выступавшая за национально-территориальную автономию. О национально-культурной автономии заявляли народы Поволжья и Сибири. В самых разных частях империи созывались национальные съезды. Центробежные тенденции коснулись и армии. Деникин вспоминал: «С началом революции и ослаблением власти, проявилось сильнейшее центробежное стремление окраин, и наряду с ним, стремление к национализации, то есть, расчленению армии. <...> Начались бесконечные национальные военные съезды. Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане — требуя провозглашённого “самоопределения” — от культурно-национальной автономии, до полной независимости включительно»⁷.

Карельские регионы Олонецкой и Архангельской губерний не остались в стороне от мощных центробежных процессов, охвативших империю. Однако если взлёт национальных движений многих народов России был подготовлен их элитами в предшествующие годы, то в карельских районах к 1917 г. националистической активности почти не существовало. Как показывает один из крупнейших специалистов по теории нации и национализмов Мирослав Хрох, процесс формирования нации делится на три стадии. На первой и второй стадиях основную роль играют национальные элиты, и лишь к третьему этапу национальное движение обретает широкую массовую поддержку. В карельских регионах до наступления третьей фазы в начале 1917 г. было ещё далеко⁸. Первые попытки карельских и финских националистов развернуть национальное наступление были задушены к 1909—1910 гг. Расскажем об этих попытках подробнее.

Симптомы зарождения национального движения в карельских районах появились в годы первой русской революции. Толчком к первым робким действиям карельской национальной элиты стали события 1905 г. и беспрецедентные свободы, дарованные гражданам России царским манифестом. Финские национальные активисты, считавшие

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917 г.). Париж, 1921. Т. 1. С. 196—197.

⁸ Как показывает Хрох, национальное становление делится на три стадии: А, В, С. На первом этапе действуют национальные активисты, которые изучают родной язык и культуру. На этом этапе осознаются национальные корни и формируется один из столпов каждой нации — историческая память. На стадии В в борьбу вступает новое поколение национальных активистов. Они начинают вести целенаправленную пропаганду среди населения, которое должно стать нацией. И только в третьей фазе С национальное движение приобретает массовый характер, то есть нацию представляют не только интеллектуалы, но само население становится нацией (Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М., 2002. С. 121—145).

Российскую Карелию⁹ (в Финляндии этот регион принято называть Восточной Карелией) ирредентой Финляндии, активизировали свою деятельность, объединив усилия с проживавшими в Финляндии российскими карелами. В 1906 г. в г. Тампере (Таммерфорс) была создана первая карельская националистическая организация «Союз беломорских карел», основными задачами которой были просвещение карелов, внедрение финской культуры и экономическая помощь региону (речь тогда шла только о Беломорской Карелии¹⁰). Как это часто бывало с национальными движениями крестьянских народов, почти не имевших своей интеллигенции, Союз создавался в большой степени силами финских национальных активистов — самый широкий слой населения Карелии, крестьянство, почти не был в него вовлечён. Большинство членов Союза (почти 80 %) проживали в Финляндии и/или были финнами по национальности¹¹. Именно поэтому деятельность «Союза беломорских карел» рассматривалась как российской властью, так и большой частью самих карелов как «панфинская», имеющая целью в конечном итоге перетянуть карелов на сторону Финляндии — сначала идейно, а потом и политически.

Хорошо иллюстрирует тогдашнее отношение олонецких карелов¹² к деятельности Союза письмо жителя села Реболы, крестьянина Феодора Васильевича Нечаева, его председателю Алексею Митрофанову. В 1917 г. Нечаев играл важную роль в жизни Ребольской волости — он был гласным губернского земского собрания, членом Повенецкой уездной управы (позже, с сентября 1917 г. — председателем Ребольской волостной земской управы), занимался продовольственным вопросом и даже в декабре 1917 г. был выбран в Ребольский совет, который заменил собою земство¹³. В длинных письмах, написанных хорошим слогом и по-русски, Нечаев летом 1917 г. объясняет, почему он сам и многие его соплеменники раньше выступали против деятельности

⁹ Российской Карелией мы называем здесь регион проживания компактной группы карелов, населявших приграничные с Финляндией регионы Архангельской и Олонецкой губерний (территорию современной Республики Карелия). По переписи 1897 г., численность этой группы карелов составляла чуть более 75 тысяч человек. В России было ещё два региона компактного проживания карелов, которые не будут затронуты в этой работе. Наиболее значительной по численности группой карельского населения России были т. н. тверские карелы, проживавшие в отдельных уездах Тверской губернии. По переписи 1897 г., их численность составляла почти 118 тысяч человек. Существовала ещё группа новгородских карелов, проживавшая в Новгородской губернии и составлявшая по той же переписи почти десять тысяч человек.

¹⁰ Беломорской Карелией в Финляндии называли заселённую карелами западную часть Кемского уезда Архангельской губернии.

¹¹ Ranta R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906—1922. [Kangasala], 1997. S. 25—45.

¹² Т. е. карелов, проживавших на территории Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии.

¹³ Мы почерпнули сведения о деятельности Нечаева из его писем Митрофанову [Национальный архив Финляндии, Хельсинки — Kansallisarkisto (далее — КА), Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31] и из воспоминаний ребольского общественного деятеля, главы продовольственной комиссии в 1917 г. Пекки Кюёттинена (Ibid. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmät. Kot. 112).

Союза, воспринимая его как финского агента влияния. «Когда поднялась после 1905/07 гг. шумиха о панфинской пропаганде, о присоединении Карелии к Финляндии, — пишет Нечаев, — на горизонте нашей серенькой карельской тиши часто стали упоминать Вашу фамилию. Читали появившуюся в обращении газету “Karjalaisten rakinoita”, возник пресловутый союз “Карельское Братство”¹⁴. Не знаю, как отнеслись к этому движению архангельские братья карелы, но мы, т. е. повенецкие, отнеслись отрицательно. Хотя я, говорю лично за себя и многих моих знакомых в уезде, не сочувствовали Братству, но не сочувствовали и идее присоединения Карелии к Финляндии. Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии...»¹⁵.

Деятельность Союза в Российской Карелии была довольно скоро сведена на нет: с одной стороны, часть карелов отнеслась к ней настороженно, а с другой — активные полицейские мероприятия местных властей уже через три года сделали финскую национальную и религиозную деятельность в карельских районах невозможной¹⁶. Следует, однако, отметить и ещё одну важную причину — почти тотальную аполитичность местного населения. Крестьянское население карельских деревень по преимуществу не обладало ещё отчётливо выраженным политическим и национальным сознанием. Как отмечается в обобщающем труде Д. В. Ольшанского по политической психологии, для крестьянства в целом характерны «наибольшие сложности с выработкой социально-группового сознания и, тем более, групповой идеологии. Сами условия их образа жизни, постоянная трудовая загруженность укрепляют крестьянскую индивидуалистическую психологию, не давая ей выйти на более высокий уровень развития, препятствуя формированию осознания себя как большой социальной группы»¹⁷. Эта специфика крестьянской ментальности хорошо видна и при изучении карельского материала. Скучные источники — немногочисленные письма, дневники или воспоминания крестьян, как правило, разочаровывают: они обычно предельно конкретны, их авторы сосредоточены на жизненных реалиях и совершенно не готовы увидеть «за деревьями леса» — за единичным событием или фактом цельное явление или процесс. Основная масса карелов не была готова

¹⁴ Карельские православные братства были созданы в 1906 г. деятелями Русской православной церкви для борьбы с «панфинской» и лютеранской пропагандой в Карелии. Полные названия братств: Архангельское православное беломорско-карельское братство во имя св. Михаила и Карельское братство во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Георгиевское братство действовало на территории Олонецкой и Финляндской епархий, а братство Архангела Михаила — в епархии Архангельской.

¹⁵ Ibid. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

¹⁶ См. об этом подробно: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1917. СПб., 2006.

¹⁷ Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. С. 129—130.

в предреволюционный период высказывать определённые политические или национальные предпочтения.

Тип национального самосознания карельского крестьянина, как мы пытались показать в предшествующих публикациях¹⁸, наиболее точно определяет предложенный Эриком Хобсбаумом термин «народный протонационализм». Исследователь понимает под протонационализмом «определённое чувство коллективной принадлежности», основанное на различных формах массовой идентификации. Хобсбаум отмечает всю сложность анализа крестьянской ментальности — это предполагает проникновение в мысли и чувства людей неграмотных, не способных отчётливо осознать и сформулировать свою принадлежность к той или иной общности¹⁹. При этом Хобсбаум высказывает предположение, что в основе такого типа коллективной идентичности может лежать массовая культурная идентификация с определённым языком, идея общего происхождения, то есть единства некой этнической группы («чувство племени»), общие обряды и ритуалы, а также религия²⁰. Те немногие свидетельства о характере идентичности карелов, которыми мы располагаем, позволяют делать вывод о том, что в основе сплочённости этой группы лежало несколько факторов: культурная и языковая общность, «чувство племени», а также ощущение цельности своего региона, окружённого «чуждыми» по вере (финны) или по культуре и языку (русские) народами²¹.

Карельский регион не был однороден ни в экономическом, ни в культурном, ни в этническом отношении²². Эту неоднородность необходимо учитывать, пытаясь анализировать специфику составляющих его национальных территорий и их населения. Важную роль в каждом конкретном случае играл уровень экономических связей с финляндскими либо с российскими центрами. Так, в Карелии сформировались экономические зоны, тесно связанные с Финляндией. В качестве примера можно назвать пограничные районы Кемского уезда и северной части Олонецкой губернии (Олангская, Тихтозерская, Вокнаволоцкая, Кондокская и Ухтинская волости Кемского уезда и Ребольская и Поросозерская волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии).

¹⁸ См., например: *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245—282; *Её же.* Национальное самосознание восточных карел до и после Октябрьской революции // *Народ, разделённый границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809—2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка* / предисл. Т. Хямюнена. Петрозаводск, 2011. С. 156—172; *Eadem (Vitukhnovskaya-Kauppal M.).* The Eastern Karelians in the Russian Civil War of 1917—1922 // *Nation split by the border: Changes in the ethnic identity, religion and language of the Karelians from 1809 to 2009* / ed. T. Hämynen, A. Pashkov. Tampere, 2012. P. 86—114.

¹⁹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 74—77.

²⁰ Там же. С. 84, 101, 110—111, 115.

²¹ См. об этом: *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!». С. 260—262.

²² Об этническом структурировании карельского населения см.: Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 160—197.

Отсюда карельские разносные торговцы — коробейники сотнями уходили торговать в Финляндию²³. Для огромного числа карелов источником заработка были лесные работы на финляндские фирмы; жители приграничных районов, почти не связанных инфраструктурно с Россией, приобретали в Финляндии продукты и повседневные товары. Кроме того, великое княжество становилось образцом для подражания для живущих по соседству карелов — оно предлагало передовые модели хозяйствования — такие как, например, организация хуторских хозяйств (особенно актуальная после столыпинской реформы), молочное животноводство, осушение болот по финляндскому образцу. Министерство финансов так резюмировало многочисленные обращения олонекского губернатора Н. В. Протасьева: «согласно уведомлению олонекского губернатора, карельское население... поставлено, ввиду отсутствия удобных путей сообщения, в полную экономическую зависимость от Финляндии»²⁴.

Однако не стоит забывать, что значительная часть карельского населения была экономически ориентирована на Петрозаводск и Петербург. Это относится, прежде всего, к населению Петрозаводского и Олонекского уездов Олонекской губернии. Проживавшие здесь карелы в массе своей лучше знали русский язык и были хорошо знакомы с российскими реалиями. В следующей части нашей статьи, посвящённой тому, как в 1917 г. карельское население Северо-Запада России выбирало свои национальные стратегии, мы будем неоднократно сталкиваться с тем, что различные группы карельского населения делали этот выбор по-разному, в том числе и в зависимости от специфики их экономической и культурной ориентации.

К 1917 г. ситуация в и без того отсталых карельских регионах резко ухудшилась. Причиной была война, которая за три года сильно изменила к худшему ситуацию во всём регионе. Сельское хозяйство Карелии страдало от нехватки рабочих рук — в результате массовых мобилизаций деревня лишилась 47 % трудоспособного мужского населения. Посевные площади в Карелии сократились к 1917 г. на 38 % в сравнении с 1913 г. Были закрыты или работали с недогрузкой многие лесопильные заводы, сворачивались лесозаготовки, а значит, крестьяне теряли возможность получить необходимый им дополнительный приработок. Деревня нищала. Единственной возможностью приработка для многих жителей близлежащих районов стало

²³ О коробейничестве и его истории см.: *Joustela K. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809—65. Helsinki, 1963; Naakka-Korhonen M., Keynäs M. Halpa hinta, pitkä matka: Vienan-karjalainen laukkukauppa. Helsinki, 1988; Hämynen T. Raja ei erottanut — karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa: Näkökulmia naapurusten elämään. Joensuu, 1997. С. 55—75; Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.*

²⁴ Мероприятия, предпринятые Олонекским губернатором: Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/61. Л. 128.

строительство Мурманской железной дороги. Однако и здесь условия жизни ухудшались, рабочий день часто превышал десять часов, а заработная плата постоянно задерживалась²⁵.

Резкое ухудшение уровня жизни карельского населения фиксируется в различных чиновничьих рапортах и отчётах. Так, жандармский унтер-офицер П. Соколов, командированный весной 1915 г. в Кондокскую и Вокнаволоцкую волости Кемского уезда, сообщал, что «население Корелы весьма бедствует в продовольственном отношении. Весь скот закуплен на железнодорожную линию, ржаная мука доходит до 15,5 руб. за мешок и её весьма трудно достать, провизия почти вся на исходе»²⁶. Учитель М. И. Бубновский в начале 1917 г. писал, что в карельском крае крестьяне «по неделям живут без хлеба» и питаются «мякиной, сосновой толчёной корой и мелко раскрошенной сухой соломой, примешанной с горстью муки»²⁷.

Всё вышесказанное позволяет понять, почему после Февральской революции наступил новый подъём активности в карельских регионах. Те проблемы, которые были сформулированы и внесены в политическую повестку ещё в 1905—1906 гг., за истёкшее время не только не были разрешены, но и в большой степени даже усугубились. Напомним, с какими требованиями обращались в 1906 г. к первому российскому парламенту карельские активисты²⁸.

Эти насущные проблемы были сформулированы на съезде беломорских карелов, состоявшемся в декабре 1905 г. в «столице» Беломорской Карелии селе Ухта. Его резолюция, впоследствии многократно подтверждённая в разных волостях Беломорской Карелии, включала экономические, социальные и национальные требования. Жители карельских регионов требовали улучшения экономического быта населения, предоставления права на приобретение земельной собственности, сооружения новых путей сообщения и упорядочения торговли лесом. Важным экономическим требованием было упразднение таможни на границе между Беломорской Карелией и Финляндией. Из национальных требований выдвигались языковые — обучение в школе и богослужение на местных языках, а также знание чиновниками языка населения. Наконец, значительным был пакет социальных требований, ибо здравоохранение и школьное дело находились в этих краях в плачевном состоянии²⁹.

²⁵ История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 316—317, 321.

²⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 437. Л. 121об. Цит. по: История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 322.

²⁷ Бубновский М. В бане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. Вып. 7/8. С. 289. Цит. по: История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 322.

²⁸ Ranta R. Vienen Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 18—20.

²⁹ Протокол митинга, состоявшегося в с. Ухта Кемского уезда на основании Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2007. № 10.

Указанные проблемы не были решены вплоть до 1917 г. Поэтому, как только вследствие революционных изменений исчезло административное давление на общественных деятелей, карельские и финские национальные активисты возобновили свою работу. Вскоре после петроградских революционных событий председатель «Союза беломорских карел» Алексей Митрофанов (Митро) написал писателю и национальному активисту, секретарю Союза Ииво Хяркёнену: «Теперь пришло время вновь начать ковать Сампо Беломорской Карелии, продвигая дело нашей красивой и убогой Карелии. Нужно незамедлительно созвать собрание находящихся в Финляндии беломорских карел и занимающихся этим делом финнов, чтобы обсудить, каким образом нужно было бы начинать продвигать дело Беломорской Карелии»³⁰. Митро разослал приглашения небольшой группе живших в Финляндии беломорских карелов, которые в числе 22 человек должны были собраться в Тампере, — символически встреча была назначена на день рождения Элиаса Лённрота, 9 апреля³¹.

Накануне этого дня собравшееся руководство Союза определило новую стратегию: распространить деятельность Союза не только на Беломорскую, но и на Олонецкую Карелию, создав новое общество, соответствующее этой задаче. Во избежание конфликтов и недоразумений с новой российской властью было решено направить депутацию к Временному правительству, обозначив тем самым свои намерения. В эту депутацию были первоначально избраны четверо из руководителей Союза [А. Митрофанов (Митро), Т. Ремшуев (Маннер), И. Естоев (Таннер), С. Дорофеев (Аланко)], к которым потом присоединился известный активист Павел Афанасьев (Пааво Ахава). На следующий день на собрании «Союз беломорских карел» был преобразован в «Карельское просветительское общество». Таким образом, карельские активисты дали понять, что воспринимают карельский регион как единый и цельный, поскольку, как пояснял присутствующим Ииво Хяркёнен, здесь везде и в одинаковых условиях проживает «один народ, одна кровь и дух». Карельский национальный проект обновился, приобретя общенациональный масштаб. Проект устава Общества был утверждён позже, 28 мая 1917 г.³² Он немногим отличался от устава «Союза

Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография. С. 22—23.

³⁰ Цит. по: Ranta R. Vienen Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 111.

³¹ О деятельности «Союза беломорских карел» и позже «Карельского просветительского общества» в 1917 г. см.: Ibid. S. 110—123. См. также: Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917—1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 88—97; Её же. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917—1920) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 141—143.

³² Ranta R. Vienen Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 111—112.

беломорских карел», однако стоит отметить одну существенную особенность: члены Общества подразделялись на активных (готовых действовать) и пассивных, при этом две трети активных членов должны были составлять карелы, проживавшие в Архангельской и Олонецкой губерниях³³. Так выразилось стремление Общества сделать его деятельность массовой и приблизить к жителям Российской Карелии.

В первой половине мая 1917 г. депутация Общества более недели находилась в Петрограде. Временному правительству был доставлен пространный адрес «За Карелию Архангельской и Олонецкой губерний». Адрес начинался словами: «Мы явились сюда по делам живущих в России карел Архангельской и Олонецкой губерний. Мы, члены этой депутации, не живём среди названного народа, а в Финляндии, но мы все по рождению и родству оттуда и большая часть из нас русские подданные»³⁴. Далее, сообщив о создании и целях «Карельского просветительского общества», авторы адреса перешли к характеристике тяжёлых условий жизни Карелии, подчёркивая, что «бывшее, теперь низвергнутое правительство так же мало заботилось об этой области, как и о многих других частях Русского государства... и не помогало им ни словом, ни делом». Рассказывая о совершенном упадке земледелия, скотоводства «и иных промыслов», о почти полном отсутствии путей сообщения, авторы адреса особенно подчёркивают отсутствие в крае просветительской и духовной работы, ибо карелы не понимают русских книг и церковных служб. При этом «поездки и прочие экономические сношения с Финляндией принесли в область финскую грамоту и просвещение» — так что, намекали деятели Общества, именно из Финляндии «проникает немного просвещения в Карелию».

Карелы, сообщают авторы адреса, с нетерпением ожидают Учредительного собрания и разрешения своих проблем. «На этот раз мы ещё не представители всего народа, — признаются они, — но мы знаем, что наша деятельность, наши желания основаны на народной воле». Они ждут от Временного правительства помощи карелам и предлагают способствовать в выполнении предлагаемой программы. Первым пунктом программы выступают уже знакомые языковые требования — «введение родного языка местного населения в церквах и школах», а также назначение чиновников, знающих язык народа. Для осуществления этого требования в карельских районах (предлагались сёла Ухта, Реболы, Паданы, Сямозеро и г. Олонец) должны быть учреждены духовная и учительская семинарии, а также два средних учебных заведения. Должна быть начата

³³ КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917—1920. Sidos 105.

³⁴ Ibid.

прокладка дорог в регионе, а кроме того, учреждены комиссии для подготовки местных экономических реформ, издания богослужебных книг и учебников и пр.

Адрес завершался географическими, демографическими и этническими сведениями о карелах, причём авторы явно пытались нивелировать как языковые, так и этнические различия между различными группами карелов, стремясь подчеркнуть единство народа. Кривя душой, авторы сообщали: «Язык повсюду тоже одинаков и отличается только тем, что на севере согласные выговариваются потвёрже и окончания совершеннее, чем на юге. Кроме того, на юге много слов, заимствованных из русского языка...»³⁵. Отдельные прошения были переданы министру народного просвещения (с просьбой о создании школ и училищ) и обер-прокурору Святейшего Синода — с просьбой о создании отдельной Карельской епархии и переводе служб на карельский язык³⁶.

Как видим, на начальном этапе своей деятельности вновь созданное Общество действовало осторожно, и в целом держалось линии, выработанной в 1905—1906 гг. Речь шла об элементах национально-культурной автономии для карелов, но ещё не было ни намёка на более глубокий национально-территориальный статус. Неопределённая ситуация в стране, непонимание будущего курса Временного правительства обусловили первые, робкие шаги карельских националистов. В Петрограде состоялись встречи с министрами просвещения и обер-прокурором Святейшего Синода (обещанное свидание с министром внутренних дел так и не произошло из-за занятости последнего), которые отнеслись к карельским посланцам доброжелательно. Министр народного просвещения А. А. Мануйлов сообщил, что правительство не будет препятствовать просветительской деятельности Общества. Оно может основывать в Карелии свои школы. Обер-прокурор Синода пообещал позаботиться о священниках, знающих карельский язык³⁷.

Получив эти ответы, Общество начало действовать самостоятельно — на реальную поддержку Временного правительства рассчитывать не приходилось. Переписка членов Общества показывает, что действовали в нескольких направлениях³⁸. Прежде всего, осуществлялась подготовка народного собрания представителей карельских волостей в селе Ухта. С этой целью велась агитация — были отпечатаны тысячи агитационных листов на южнокарельском (ливвиковском) диалекте, на русском и финском языках. Их рассылали по почте в самые разные карельские поселения. Кроме

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ranta R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 116.

³⁸ См.: КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Sihteerin ja toimiston kirjeenvaihto. 1917. F Sidos 32.

того, приступили к подготовке агитаторов-эmissсаров, которые должны были проводить беседы с народом в различных карельских деревнях, а заодно собирать сведения о настроениях в обществе. И наконец, отбирали учителей для открытия в Карелии передвижных школ. В письме Митрофанова Ииво Хяркёнену от 14 июля перечисляются предполагаемые агитаторы и учителя. Первых было отобрано шестеро (из двенадцати, пославших заявления). В списке учителей — десять карельских девушек. Школы начали работать с осени 1917 г.³⁹

Как показывает Елена Дубровская, активисты Общества открывали в крупных сёлах библиотеки и читальни. 13 мая вышел первый номер газеты «*Karjalaisten sanomat*» («Карельские новости»), в которой печатались заметки на финском языке в переводе на карельский. В сёлах Ухта, Вокнаволок и Реболы стали создаваться местные комитеты «Карельского просветительского общества». Дубровская справедливо отмечает, что их деятельность далеко не всегда встречалась в этих регионах с одобрением. Так, 21 мая 1917 г. съезд крестьянских депутатов Повенецкого уезда, «выслушав сообщение об активизации работы просветительского общества, вынес постановление принять решительные меры по пресечению подобной деятельности»⁴⁰. В дальнейшем мы покажем, что даже в Ребольской волости Повенецкого уезда, наиболее тесно связанной с Финляндией экономически и культурно, звучали серьёзные возражения относительно внедрения финского языка, сближения с Финляндией, и тем более присоединения к ней.

Самое знаковое событие, съезд представителей карельских волостей, состоялось 12—13 июля 1917 г. К тому времени ситуация в стране изменилась, и стало ясно, что власть Временного правительства ослабла. Помимо политических оппонентов в лице Советов этим воспользовались и национальные организации окраин. Одной из первых бросила вызов центральной власти украинская Центральная Рада, принявшая в одностороннем порядке 10 (23) июня Первый Универсал, провозгласивший национально-территориальную автономию Украины в составе России. 2 (15) июля Рада получила правительственную декларацию о том, что правительство благосклонно отнесётся к разработке проекта национально-политического статута Украины. Генеральный секретариат был признан высшим распорядительным органом Украины. Это привело к кризису внутри самого Временного правительства — три министра-кадета (Д. И. Шаховской, А. А. Мануйлов и А. И. Шингарёв) покинули его в знак

³⁹ Ibid. Елена Дубровская отмечает, что в 1917/18 учебном году в приграничных с Финляндией карельских волостях было открыто более десятка школ с преподаванием на финском языке в приграничных с Финляндией карельских волостях; общее количество учащихся в них превысило 400 человек (Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии. С. 89).

⁴⁰ Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии. С. 89.

протеста против уступок автономистским требованиям Рады. На следующий же день в Петрограде началось вооружённое восстание анархистов и большевиков.

Серьёзный кризис разразился и в отношениях Временного правительства с Финляндией, являвшейся колыбелью карельского национального движения. 5 (18) июля, в разгар июльского кризиса, когда не ясен был ещё исход восстания большевиков в Петрограде, сейм одобрил (136 голосов «за» и 55 «против») социал-демократический проект «закона о верховной власти», суть которого сводилась к тому, что парламент Финляндии явочным порядком присваивает себе право принимать решения, касающиеся внутренних дел Великого княжества. Сейм решил не направлять этот «закон о верховной власти» на утверждение Временному правительству. Это привело к кризису в отношениях между Великим княжеством и Временным правительством и роспуску парламента Финляндии.

Как видим, Ухтинский съезд проходил, можно сказать, под аккомпанемент различных грозных событий, которые не могли не повлиять на радикализацию требований его организаторов. Однако прежде, чем мы обратимся к ходу и резолюциям самого съезда, вникнем в те настроения, которые в тот момент царили в карельской деревне. Историк Стэйси Черчилль обобщил наблюдения эмиссаров «Карельского просветительского общества», отражённые в их рапортах⁴¹. Он констатирует, что хотя политические позиции жителей различных регионов Карелии сильно различались, эти различия не касались экономических проблем. Здесь царило единодушие: крестьян везде объединяло требование раздела земли и государственных лесных угодий.

Сравнивая рапорты из Беломорской и Олонецкой Карелий, Черчилль приходит к выводу, что если в первой преобладал «уверенный карельский дух» и ненависть к царским чиновникам, священникам и полиции, которых изгоняли из ряда мест, то жителям Олонецкой Карелии было, наоборот, присуще недоверчивое отношение к политической деятельности Финляндии в регионе. И хотя и здесь можно было найти людей, надеявшихся на присоединение Олонецкой Карелии к Финляндии, гораздо больше встречалось таких, кто жёстко противостоял этой идее. Эмиссар В. Петров, проехавший по волостям Олонецкой Карелии, в рапорте от августа 1917 г. подчёркивал, что «большая часть народа — ничего не знающий элемент, цепляется за своё прежнее состояние и верит в “Великую Россию”, каким бы положение ни было»⁴².

⁴¹ Рапорты содержатся в следующем архивном собрании: КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917—1920. Sidos 105.

⁴² Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922: Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922. Porvoo ; Helsinki, 1970. S. 35—36.

Черчилль подчёркивает, что Олонецкая Карелия, тем не менее, не была однородным регионом. Население её северо-западных уездов, Ребольского и Поросозерского, было более подвержено финскому влиянию. Посланные сюда два агента сообщали, что многие жители выступали за создание здесь финской школы. Однако в других районах Олонецкой Карелии, по донесениям эмиссаров, жители даже стеснялись своего языка и стремились говорить с чужими по-русски, как бы демонстрируя свою «культурность». Поэтому агенты «Карельского просветительского общества» в этих регионах не имели успеха⁴³.

Черчилль выражает уверенность в том, что население Беломорской Карелии, как и жители Ребольского и Поросозерского уездов, в целом положительно относилось к «панфинской» идее, то есть идее единства (духовного, культурного, а в будущем, возможно, и политического) финского и карельского народов. Однако наши наблюдения выявляют более противоречивую картину: мы не можем утверждать, что чувство национальной близости к финнам (профинская идентичность) господствовало во всей Беломорской Карелии. Отношение к Финляндии варьировалось в её различных волостях и зависело от многих обстоятельств, в частности, от близости к финляндской границе.

Например, сторонник «Карельского просветительского общества», житель Панозера Матти Вассанен в письме от 8 июля 1917 г. резко различал по степени приверженности «финской идее» жителей «верхних» и «нижних» деревень Беломорской Карелии. «Почтительно интересуюсь, — писал он Алексею Митрофанову, — как Просветительское общество собирается пробудить этих карел из нижних деревень, которые почти поголовно русскоязычные?» В письме выясняется, что «нижними деревнями» (*alakylät*) он называет поселения восточных волостей Беломорской Карелии, таких как Юшкозерская, Панозерская, Маслозерская и Подужемская. Автор письма негодует, что в отличие от Вокнаволоксской, Кондокской, Тихтозерской и Ухтинской волостей (перечисленные волости располагались вдоль финляндской границы), где «народ знает, что нам нужно делать и чего единодушно требовать», и уверен, что в Финляндии находятся «наши братья карелы, которые вновь подняли флаг в защиту карельских интересов», жители «нижних деревень» ничего этого не осознают. «Это, наверно, происходит от того, — горько сетует Вассанен, — что здесь не было никакого (национального. — *М. В.*) пробуждения», а местное население в основном обучалось в русских школах⁴⁴.

⁴³ Ibid. S. 36.

⁴⁴ КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

Интересно, что о подобном же ментальном разделении между восточными и западными волостями Беломорской Карелии свидетельствует и другой респондент Митрофанова, вновь избранный (вместо изгнанного после Февральской революции) староста Ухты Лео Панкконен. Уже после Ухтинского съезда, в конце июля 1917 г. он, перечисляя в письме те же волости — Юшкозерскую, Панозерскую, Маслозерскую и Подужемскую, сообщает, что их жители всё-таки, в отличие от ухтинцев, склоняются в вопросе языка к русскому, хотя в школьном вопросе стоят, скорее, на позиции обучения на карельском или финском⁴⁵.

Существуют источники, показывающие, что и в селе Реболы далеко не все жители были носителями «профинского» духа. Уже упоминавшийся ребольский земский деятель Феодор Васильевич Нечаев объяснял в письме Митрофанову: «Как-никак, а всё же русское влияние сильно проявило себя здесь у нас в Карелии и присоединившись бы к финнам, [мы] должны бы были снова ломать всю жизнь, а что создали бы? Нужно понять карел, и я думаю, что уже между финнами и карелами образовалась большая брешь, заделать которую пришлось бы много потрудиться». Нечаев вспоминает о массовом и фактически принудительном переходе в лютеранство финляндских карелов, поскольку «православным карелам стало невыносимо жить в Финляндии». Приводит в качестве аргумента и уничижительное отношение финнов к карелам: «Как финны смотрят на православных финских кореляков? Смотрят как на животных. А на нас русских кореляков, как они величают нас “*Ryssä*”, “*Pitkätukka*”⁴⁶, и т. д. подоб.» «Да! — констатирует Нечаев, — повторяю, между финнами и карелами большая пропасть, и думается, что заделывать её не напрасный ли труд?»⁴⁷.

Важно отметить, что при этом Нечаев положительно относился к идее карельской автономии. Он пишет: «Да, уважаемый А. Митрофанов, теперь Вы взяли правильный курс! Выйдет или не выйдет что-либо из этого движения, пока судить преждевременно, но знайте, что Ваше имя станет дорогим всем карелам! Идея о самоуправлении Карелии очень скоро стала здесь распространяться и нашла массу сторонников. <...> Разъезжая часто по Повенецкому уезду, я много веду с жителями беседы по волнующему меня вопросу, и часто нахожу людей, сочувствующих Вашей идее»⁴⁸.

О том, насколько популярна была среди беломорских карелов идея национальной автономии, можно судить и по воспоминаниям финского национального активиста Юхо Альфреда Хейкинена (более известного по прозвищу «дед из Халла»). Он, в частности,

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Ryssä* — уничижительное название русских в Финляндии. *Pitkätukka* — «длинноволосый», очевидно, намёк на длинные бороды и волосы православных.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

описывает дискуссии, которые летом 1917 г. вели финские национальные активисты, стоявшие за присоединение Карелии к Финляндии, и представители беломорских карелов. Большинство карелов выступало за объединение Беломорской и Олонецкой Карелий в отдельную автономию и не одобряли идеи присоединения к Финляндии⁴⁹.

Были, однако, и такие карелы, которые уже на этом этапе поддерживали идею присоединения своего края к Финляндии. Письмо одного из них мы встречаем среди материалов Митро — председателю «Карельского просветительского общества» писал солдат М. Воронов, уроженец Святозера Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Его короткое послание написано на ливвиковском диалекте (кириллицей) 9 июня 1917 г.: «Товарищ Митрофанов! Случайно в мои руки попала газета («Карьялайстен саномат»)⁵⁰, которую я воспринял очень сочувственно. Я очень хочу, чтобы вся Карелия соединилась с народом Финляндии, да и от многих кареляков я сам слышал, большинство хотело бы соединиться с народом Финляндии, все знают финские порядки и новости. <...> Я же сам со своей стороны, когда буду дома, буду всем растолковывать начатые вами дела. Солдат М. Воронов. Почтовая станция Пюхарви (Святозеро) Олонецкой губернии Петрозаводского уезда»⁵¹.

Как видим, в карельских регионах существовал значительный разброс мнений по отношению к национальным и административным перспективам развития Российской Карелии. Поэтому Ухтинский съезд, состоявшийся 12—13 июля, не был единодушен в принятии решений. По подсчётам организаторов, в съезде участвовала, лично или через депутатов, треть населения Беломорской Карелии — до девяти тысяч человек. Здесь были делегаты от всех поселений Ухтинской волости, а также от Вокнаволоксской, Тихтозерской, Кондокской и Панозерской волостей. Прислали своих представителей и карелы, работавшие на строительстве Мурманской железной дороги. Съезд был приурочен к традиционному православному празднику — Петрову дню (дню Петра и Павла), который начинали отмечать 29 июня (12 июля), и празднование обычно продолжалось два-три дня.

Записи прений участников съезда, увы, не сохранились, поэтому нам невозможно представить себе, как проходило обсуждение насущных для карелов вопросов. По косвенным свидетельствам можно судить о том, что дискуссии были бурными: Пааво Ахава, вернувшись со съезда, писал Митро, что речей было много и прения были

⁴⁹ Kokko A. Hallan ukko: Piirteitä maanviljelijä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä. Porvoo ; Helsinki, 1939. S. 246—247.

⁵⁰ «Karjalaisten sanomat», т. е. «Карельские новости» — газета «Карельского просветительского общества».

⁵¹ KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31. Выражаю глубокую благодарность А. Левкоеву за перевод этого письма.

живыми⁵². Обратимся к содержанию решений съезда. Они показывают, что «Карельское просветительское общество» и собравшиеся в Ухте карельские представители перешли от планов национально-культурной автономии к идее национально-территориальной автономии, то есть создания самоуправляющегося карельского региона внутри России.

Будущему Учредительному собранию адресовались следующие заявления съезда. На основе Архангельской и Олонецкой Карелий должна быть создана особая административная область под названием Карельская административная область или Карельско-Северная административная область. Её границы предлагалось определить следующим образом: на юге по реке Свири, на востоке по Онежскому озеру, Выгозеру, реке Выг и Белому морю, на севере — по линии, соединяющей Кандалакшский залив и финляндскую границу, а на западе — по границе с Финляндией и Ладожскому озеру. Впрочем, допускалось в будущем и специальное решение по границам области, которое разработала бы особая комиссия, назначенная Учредительным собранием (в комиссии должно было быть одинаковое число карелов и русских). Разграничение полномочий предлагалось такое: общими с Россией будут финансовые, почтовые, военные и судебные дела, тогда как все остальные стороны жизни будут подчиняться областной администрации. К ним были отнесены административные, аграрные и инфраструктурные вопросы, сфера образования, здравоохранения, торговли, промышленности и налогов. Автономизация должна была коснуться и дел церкви: на той же территории предполагалось создать Карельскую епархию.

В резолюции съезда подробно описывалась система органов управления будущей карельской автономией — от деревенской сходки как низшего звена до Главного совета (промежуточные звенья — волостной совет, уездный совет и сейм). Несомненно, в этой схеме проглядывают как черты системы земского самоуправления, так и структура финляндских органов власти. Однако самые насущные вопросы обнаруживаются в конце протокола. Во-первых, давно ставший для крестьян болезненным земельный вопрос. В протоколе говорится: «...необходимо, чтобы внутри области все земли с лесами и со всеми возможными природными богатствами и все озёрные и речные воды с порогами как и прибрежные части морей уступались бы без вознаграждения на вечные времена в народное владение в этой проектируемой административной области». Половина всей обобществлённой земли должна быть передана «в вечное потомственное владение» местному населению, четверть делится между волостями, и оставшаяся четверть остаётся во владении области. Анализируя суть указанного проекта земельной реформы, Стейси Черчилль справедливо замечает: обобществление земель и лесов

⁵² Письмо Митро от Пааво Ахава от 25 июля 1917 г.: Ibid.

Карелии сделало бы невозможным для финнов, если Карелия присоединится к Финляндии, завладение этой землёй, а значит, объективно проект был направлен против «панфинской» идеи⁵³.

Отдельно выделялись проблемы, решения которых участники съезда ожидали от Временного правительства незамедлительно. Это тот набор экономических и национальных требований, который уже прозвучал в 1905—1906 гг. и был повторён в адресе к Временному правительству: введение обучения и церковных служб на местном языке (для чего, в частности, следовало создать соответствующие учебные заведения и школы с обучением на родном языке), сооружение дорог из Финляндии и от Мурманской железнодорожной линии в Российскую Карелию и улучшение судоходных путей, устранение таможенных пошлин между Финляндией и Россией, а также организация почтового, телеграфного и телефонного сообщения с Беломорской Карелией⁵⁴.

Таким образом, как видим, несмотря на подробно расписанный проект национально-территориальной автономии, наиболее насущными проблемами карелы по-прежнему считали нерешённые экономические вопросы, из-за которых, как они прекрасно сознавали, не осуществлялось развитие их региона и ухудшалось их благосостояние. Нет сомнения, что и проект автономной области и стремление перейти к самоуправлению имели своей конечной целью облегчить возможность проведения реформ. В способность ослабевающей центральной власти хоть в чём-то улучшить сложившуюся тяжёлую ситуацию верилось всё меньше.

Необходимо напомнить, что аналогичные съезды с похожими решениями проходили в 1917 г. почти во всех национальных регионах России. «Требования автономизации, — пишет исследователь аналогичных процессов в Молдавии, — становились привлекательны по мере того, как массы уставали от политической смуты, от некомпетентности и неповоротливости Центра»⁵⁵. При этом, как справедливо отмечает Т. Ю. Красовицкая, именно этнос выступал в условиях нестабильности как аварийная группа поддержки, как группа обеспечения экономических и политических преимуществ. Принадлежность к группе соплеменников давала человеку чувство защищённости⁵⁶. Однако вплоть до большевистского переворота национальные регионы

⁵³ Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922. S. 49.

⁵⁴ Протокол, составленный на народном собрании в селе Ухтуя: Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 61; или: KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Karjalan aseman parantaminen 1917—1920. Sidos 105. Финноязычная версия хранится в архиве Министерства иностранных дел Финляндии в Хельсинки: Ulkoministeriön arkisto (далее — UMA). Ryhmä 11. Osasto A I. Asia 4.

⁵⁵ Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 220. Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте... С. 59.

⁵⁶ Там же. С. 68—69.

(за редким исключением) не ставили вопроса об отделении от России. Так, член оргкомитета Всероссийского съезда мусульман, сторонник культурной автономии мусульман в составе России осетин Ахмед Тембулатович Цаликов писал в сентябре 1917 г.: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население... Можно удивляться... отсутствию центробежных сил на мусульманских окраинах...»⁵⁷. Об отсутствии интереса представителей меньшинств к сепаратистским идеям писали в то время представители украинцев, белорусов, молдаван, караимов, татар и других народов России⁵⁸. «Ни один из национальных съездов не ставил целью разрушить общероссийский территориальный комплекс, ни один из них не заявлял о национальной исключительности, но повсеместно выделялись проблемы развития культуры, родного языка, школы»⁵⁹.

Поэтому не должно удивлять, что идея национальной автономии вызывала интерес в разных карельских регионах — и не обязательно в русле предлагаемой «Карельским просветительским обществом» политики. Об этом, в частности, писал А. Митрофанову упоминавшийся здесь земский деятель из села Реболы Феодор Нечаев. Известно, что за месяц до Ухтинского съезда, 14 июня, вопрос об автономии Карелии был вынесен на чрезвычайное заседание Олонецкого губернского земства и вызвал «большие прения», захватившие и следующий день. Настроения гласных были в целом единодушными: они выступали против раздела губернии по национальному признаку и считали карелов не готовыми к самостоятельной государственности (гласный Кищенко пространно аргументировал это тем, что у Карелии нет «ни письменности, ни литературы, ни культуры, ни истории, ни государственных деятелей — карел»). После дальнейшего обмена мнениями пришли к заключению, что карелы не склонны к автономии, желают жить вместе с русскими и составлять с ними единое целое. Была принята следующая резолюция:

«1) Карелия должна быть тесно связана с Россией.

2) В культурно-просветительном отношении губернное земство должно широко идти навстречу карелам»⁶⁰.

Мы не можем судить, каков был процент карелов в составе губернского земства, но судя по публикации, своей альтернативной позиции они не высказали. Поэтому интересно посмотреть, как шло обсуждение вопроса об автономии в карельских

⁵⁷ Известия Всероссийского Мусульманского Совета. 1917. 8 сентября. Цит. по: Там же. С. 71.

⁵⁸ См. об этом: Там же. С. 64—77.

⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 16. С. 20.

регионах. Сохранились воспоминания ребольского общественного деятеля и главы продовольственной комиссии в 1917 г., сторонника «панфинской» линии Пекки Кюёттинена, которые могут дать некоторое представление о дискуссиях, происходивших в 1917 г. в селе Реболы. Не называя, к сожалению, конкретных дат, он сообщает, что вопрос карельской автономии неоднократно ставился на обсуждение на общих и земских собраниях и вызывал сильные споры. Речь, несомненно, идёт о весне, лете и осени 1917 г.

Так, на втором из земских собраний, состоявшихся здесь после Февральской революции (первое было признано не соответствующим новым законам), обсуждался вопрос о введении финского языка в школьную программу. Для села Реболы этот вопрос был актуален — волость была тесно связана с Финляндией экономически. Тем не менее состоялась бурная дискуссия, в ходе которой «русские и их компаньоны» противостояли этому предложению. Было, однако, принято решение преподавать финский язык во всех школах по часу в день. Кюёттинен прокомментировал: «Мы добились первой победы на национальном фронте».

Вопрос карельской автономии обсуждался в селе Реболы постоянно, и сформировалась группа её сторонников (помимо Кюёттинена, в неё входили ещё четыре активиста). Жёстко противостояли этому сторонники «прорусской» линии, и одновременно на политическую арену стали выдвигаться большевики, которые «начали потихоньку сеять бурю». Они заявляли, что идея Карельской автономии — капиталистическая «буржуазная» инициатива. Начали звучать голоса о том, что «моржей» — буржуев нужно убивать, они только и хотят, что отдать карельский народ в новое рабство. Добиться настоящей свободы можно только в союзе с большевиками, внушали их сторонники. «В конце концов, — замечает Кюёттинен, — обе эти группы нашли друг друга и слились вместе против нас, национально мыслящих карелов». Хотя народ, по словам мемуариста, относился к «национально мыслящим карелам» с симпатией, коммунисты и черносотенный священник действовали активно. Листовки и агитационная литература поступали бесперебойно, и многие слабые духом подпали под обаяние «свободы» и больших обещаний⁶¹.

Между тем ситуация не только в селе Реболы, но и во всей Карелии становилась всё более тяжёлой. Учитель Исаак Пирхонен, прибывший осенью в Ухту, с ужасом писал 5 октября: «Я не верил, приехав сюда, что это та самая прежде богатая Ухта — теперь она бедна всем. Здесь нет в продаже совсем ничего...»⁶². Поступления хлеба

⁶¹ КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmät. Kot. 112.

⁶² Ibid. Puheenjohtajan kirjeenvaihto. Sidos 31.

в Олонецкую губернию в 1917 г. были в несколько раз меньше необходимого минимума⁶³. Пекка Кюёттинен посвящает большую и весьма драматическую часть своих мемуаров катастрофической ситуации с продовольствием, которая сложилась к декабрю в селе Реболы. Урожай был плохим, а помощи от властей никакой не было, поэтому над некоторыми семьями уже нависла угроза голода. Продовольственная комиссия села Реболы с огромным трудом добилась доставки в волость через Петроград и Лиексу 40 вагонов муки; исполнителем этого сложного дела был уже знакомый нам Нечаев. Вагоны несколько раз арестовывали, пытались конфисковать, от всего состава осталась половина, но их всё-таки удалось доставить в Реболы. Кюёттинен описывает посвящённое продовольственному вопросу бурное народное собрание, на котором звучали угрозы расправы с продовольственной комиссией (главой которой был он сам)⁶⁴.

Постоянно и безнадежно ухудшавшаяся ситуация, понимание того, что в управлении государством царит полный хаос, приводили ко всё более отчётливому стремлению обособиться от летящей в пропасть страны, найти свой, отдельный выход из тупика. В декабре 1917 г. гласными в губернское и уездное земские собрания были избраны в селе Реболы Г. П. Григорьев и Ф. В. Нечаев. Им были даны указы — при подходящем случае поднять вопрос о Карельской автономии. Кюёттинен утверждает, что Повенецкое земство решило как можно энергичнее работать на осуществление этого плана⁶⁵. Однако ситуация вновь изменилась — после большевистского переворота стало ясно, что стратегию и политическую линию нужно менять.

К декабрю 1917 — январю 1918 г. советская власть довольно широко распространилась в населённых карелами уездах. Были распущены губернские и земские учреждения, которые повсеместно заменялись комиссариатами и Советами. Уездные земские управы прекратили свою деятельность к лету 1918 г.⁶⁶ При этом, как справедливо подчёркивает Сергей Яров, «многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти»⁶⁷. Это объясняет ту лёгкость, с которой многие крестьянские общества заменяли земства Советами.

Поначалу Советы даже приветствовались карельскими крестьянами, т. к. они обещали дать и дали землю. На третьем Олонецком губернском съезде Советов, проходившем в конце января — начале февраля 1918 г., была принята резолюция

⁶³ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 363.

⁶⁴ KA. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmät. Kot. 112.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 365—368.

⁶⁷ Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917—1920-е гг. М., 2014. С. 15.

по земельному вопросу, согласно которой вся земля объявлялась общенародным достоянием и только крестьянам присваивалось право перераспределения земель⁶⁸. С весны 1918 г. в уездах и волостях начался уравнительный передел земли.

Однако ситуация была взорвана политикой классовой сегрегации, которую принялись осуществлять большевики в деревне, и дальнейшим ухудшением продовольственной ситуации. В разных местах началось стихийное изъятие хлеба, после чего новые власти приступили к реквизициям⁶⁹. В интервью карельского беженца из д. Пяльозеро А. Ольшина (Ольшайнена) читаем: «Революция пришла и грабежи. Тогда стали облагать сильно, [мы] платили и платили, пока не содрали всё. [Мы] противились большевикам. [Нам] угрожали посадить в тюрьму. Было собрание, на котором опять угрожали. <...> Предстояло собрание — деньги отнимать. [Мы] сопротивлялись, не будем платить. Угрожали винтовкой...»⁷⁰. Последней каплей стала проводившаяся зимой — весной 1918 г. принудительная мобилизация, против которой в волостях с карельским населением (Ведлозерской, Поросозерской, Рыпушкальской и Сямозерской) произошёл ряд протестных крестьянских выступлений⁷¹.

Большевистский переворот и его последствия сыграли роль детонатора в и без того перенасыщенной недовольством атмосфере карельской деревни. Настроения начали склоняться к идее полной независимости карельского региона или присоединения его к Финляндии — иного спасения, по мнению многих, не было. 17 января 1918 г. в Ухте было созвано собрание, принявшее решение о поддержке полного самоопределения беломорских и олонечских карелов и вепсов. Финляндскому парламенту был направлен адрес, содержащий решения собрания. Присутствовавший здесь заместитель председателя «Карельского просветительского общества» Тимо Маннер писал 23 января 1918 г.: «Решения следующие: решили со всей энергией продвигать присоединение к Финляндии. В Олонце и Реболах в особенности стоят за присоединение»⁷².

Десять дней спустя, 27 января 1918 г., в аккурат в день начала финляндской гражданской войны, в Ухте состоялся народный съезд, принявший решение «об отделении карельско-вепсской Восточной Карелии от России — вместе с Кольским полуостровом, с древних лет принадлежавшем карелам». На съезде шли бурные дебаты. Главным образом, участники высказывались за создание независимой Карельской

⁶⁸ История Карелии с древнейших времён до наших дней. С. 374.

⁶⁹ Там же. С. 363, 375.

⁷⁰ КА. Heimosota-asiakirjat. P-Aunus 48.

⁷¹ *Осипов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 95—96.

⁷² *Ranta R.* Vienen Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi. S. 123.

республики. Как подчёркивает историк Раймо Ранга, под влиянием большевистской революции мнения ряда участников, прежде всего членов «Карельского просветительского общества», склонились к идее присоединения Карелии к Финляндии. В его пользу высказались Пааво Ахава, Ииво Каукониemi и Алексей Митро⁷³.

О настроениях населения села Реболы повествует в своих воспоминаниях Пекка Кюёттинен: как только здесь получили известие, что местные большевики ожидают поступления 250 винтовок из Поросозера, «взгляды всех наиболее разумных обратились к Финляндии, поскольку единственное спасение было там». Запросив помощи от финляндского пограничного коменданта и командира батальона пограничников и получив заверение в том, что в случае необходимости помощь будет оказана, ребольские жители обратились к Совету с требованием созвать общеволостное собрание для того, чтобы обдумать, есть ли возможность немедленно присоединиться к Финляндии⁷⁴. Как мы знаем, Ребольская волость осуществила это намерение несколько позже. В августе 1918 г. жители села Реболы на общем собрании приняли решение о присоединении к Финляндии на условиях самоуправления, и их примеру позже (в 1919 г.) последовала Поросозерская волость⁷⁵. Формально Ребольская и Поросозерская волости были независимыми образованиями под протекторатом Финляндии.

На этом историческом этапе Финляндия представлялась многим противникам большевиков единственно возможной защитой — однако там шла гражданская война. Тем не менее общественные настроения склонялись в сторону обособления от России, а часто и присоединения к Финляндии. Этот вопрос поднимался даже на I съезде Советов Повенецкого уезда в феврале 1918 г., провозгласившем установление Советской власти на территории уезда. Представители карельских волостей выдвинули на этом съезде предложение о необходимости административного объединения карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний, а некоторые делегаты выступили с предложением отделения Карелии от России и присоединения к Финляндии⁷⁶. И хотя их предложение было отвергнуто, сам факт такой попытки следует считать симптоматичным.

⁷³ Ibid. S. 124.

⁷⁴ КА. Karjalan sivistysseura arkisto ja säilytysyksiköt. Muistelmat. Kot. 112.

⁷⁵ Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918—1929 гг. : Забытый успех раннесоветской национальной политики // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 317. О выделении села Реболы: Aunuksen Repola / toim. H. Tarma. Joensuu, 2001. S. 175—218.

⁷⁶ Машезерский В. И. Победа великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 33—35.

Из разных регионов Карелии в правительство Финляндии хлынул поток писем с просьбами о помощи и о присоединении к Финляндии⁷⁷. Настроение части беломорских карелов было выражено в письме жителей Ухтинской волости финскому правительству от 29 марта 1918 г. Там, в частности, говорилось: «Нам, нижеподписавшимся беломорским карелам, живущим в Ухтинской волости, надоела русская власть, в какой бы форме она ни проявлялась, и прежде всего нам, до глубины наших сердец, надоело поддерживающее развал и всяческую анархию большевистское правительство и его насилие...». На этом основании, и выражая всяческую симпатию к Финляндии и её народу, авторы письма просили, чтобы законное правительство Финляндии приняло всё население Беломорской Карелии под защиту отрядов щюцкора и присоединило бы весь регион к Финляндии. Под письмом стоят 303 подписи⁷⁸.

Подведём итог сказанному. За десять месяцев 1917 г., с марта по декабрь, в Российской Карелии сменили друг друга несколько националистических проектов, причём степень их радикальности раз от раза возрастала. После Февральской революции пожелания карельского населения (как и многих других меньшинств) ограничивались удовлетворением давно сформулированных национально-культурных потребностей: обучение в школе и богослужение на местных языках, а также знание чиновниками языка населения. Однако чем более ослабевала центральная власть, чем менее явной становилась её легитимность, тем большим было стремление к обособлению от Петрограда. Национальные регионы в поиске способов спасения от наступавшего хаоса начали, уповав на этническую сплочённость, выдвигать проекты национально-территориальных самоуправляющихся автономий. На этом этапе, летом 1917 г., зародились многочисленные планы национальных автономий, в том числе поддержанный большой частью населения Карелии проект Карельской или Карельско-Северной административной области.

Однако самый радикальный проект национального самоопределения карельского региона, вплоть до отделения от России, получил серьёзную поддержку населения только после большевистского переворота. Ища защиты и спасения, многие активисты обратили свои взоры на Финляндию, которая представлялась им политической и военной опорой. Именно в то время «Карельское просветительское общество», поддержанное антибольшевистски настроенными карелами, начало разрабатывать новую стратегию — отделения Карелии от России и присоединения к Финляндии. Однако она была в конечном итоге реализована только для двух волостей — Ребольской

⁷⁷ Vahtola J. Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997. S. 21—23.

⁷⁸ UMA. Ryhmä 11. Osasto A1. Asia 1.

и Поросозерской. Судьбы других регионов Российской Карелии складывались более причудливо — на протяжении нескольких лет регион разрывали несколько противостоявших друг другу политических и военных сил, от интервенционных войск Антанты до белого правительства Северной области, от финского Мурманского легиона до Карельского отряда, от финских добровольческих отрядов до большевистских подразделений. В это насыщенное событиями время те сценарии развития и самоопределения карельского народа, которые сформировались в 1917 г., получили дальнейшее развитие.

Список литературы

Базегский, Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дмитрий Васильевич Базегский. — Петрозаводск, 1998. — 22 с.

Витухновская, М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1917 / М. А. Витухновская. — Санкт-Петербург : Норма, 2006. — 381 с.

Витухновская-Кауппала, М. «Карелия для карел!» : Гражданская война как катализатор национального самосознания / М. Витухновская-Кауппала // *Ab Imperio*. — 2010. — № 4. — С. 245—282.

Витухновская-Кауппала, М. Национальное самосознание восточных карел до и после Октябрьской революции / М. Витухновская-Кауппала // *Народ, разделённый границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809—2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка : сб. науч. ст. / предисл. Т. Хямюнена*. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2011. — С. 156—172.

Дубровская, Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917—1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов / Е. Ю. Дубровская // *Исторические судьбы Беломорской Карелии* / отв. ред. Ю. А. Савватеев. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. — С. 88—97.

Дубровская, Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917—1920) / Е. Ю. Дубровская // *Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. — Москва : Социально-политическая мысль, 2005. — С. 141—143.

История Карелии с древнейших времён до наших дней / Ю. А. Савватеев, А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Кораблёва [и др.]. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Кауппала, П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918—1929 гг.: забытый успех раннесоветской национальной политики / П. Кауппала // *Ab Imperio*. — 2002. — № 2. — С. 309—337.

Кораблёв, Н. А. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии / Н. А. Кораблёв, Е. Ю. Дубровская // Труды Карельского научного центра РАН: гуманитарные исследования. — 2015. — № 8. — С. 28—35.

Красовицкая, Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи / Т. Ю. Красовицкая. — Москва : Новый Хронограф, 2015. — 415 с.

Машезерский, В. И. Победа великого Октября и образование советской автономии Карелии / В. И. Машезерский. — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 139 с.

Ольшанский, Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. — Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — 496 с.

Осипов, А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии : дис. ... канд. ист. наук / Александр Юрьевич Осипов. — Петрозаводск, 2006. — 241 с.

Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. — Москва : Наука, 2003. — 671 с.

Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — 305 с.

Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. — Москва : Праксис, 2002. — С. 121—145.

Шорников, П. М. Молдавская самобытность / П. М. Шорников. — Тирасполь : Издательство Приднестровского университета, 2007. — 400 с.

Яров, С. В. Человек перед лицом власти : 1917—1920-е гг. / С. В. Яров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2014. — 375 с.

Aunuksen Repola / toim. H. Tarma. — Joensuu : Repola-Seura r. y., 2001. — 334 s.

Churchill, S. Itä-Karjalan kohtalo 1917—1922 : Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917—1922 / S. Churchill. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1970. — 218 s.

Hämynen, T. Raja ei erottanut — karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa / T. Hämynen // Kainuussa ja Vienassa : Näkökulmia naapurusten elämään. — Joensuu : Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 1997. — S. 55—75.

Joustela, K. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809—65 / K. Joustela. — Helsinki : [SHS], 1963. — 376 s.

Kokko, A. Hallan ukko : Piirteitä maanviljelijä J. A. Heikkisen elämästä ja elämäntyöstä / A. Kokko. — Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1939. — 312 s.

Naakka-Korhonen, M. Halpa hinta, pitkä mitta : Vienan-karjalainen laukkukauppa / M. Naakka-Korhonen, M. Keynäs. — Helsinki : SKS, 1988. — 294 s.

Ranta, R. Vienan Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906—1922 / R. Ranta. — [Kangasala] : [R. Ranta], 1997. — 229 s.

Vahtola, J. Nuorukaisten sota : Suomen sotaretki Aunukseen 1919 / J. Vahtola. — Helsinki : Otava, 1997. — 637 s.

Vahtola, J. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi» : Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918 / J. Vahtola. — Rovaniemi : Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. — 476 s.

Vitukhnovskaya-Kauppalä, M. The Eastern Karelians in the Russian Civil War of 1917—1922 / M. Vitukhnovskaya-Kauppalä // Nation Split by the Border : Changes in the Ethnic Identity, Religion and Language of the Karelians from 1809 to 2009 / ed. T. Hämynen, A. Pashkov. — Tampere : Suomen yliopistopaino Oy, 2012. — P. 86—114.